

**СБОРНИКИ С ПОСЛАНИЕМ О ЗЕМНОМ РАЕ
НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ КАЛИКИ:
К ПРОБЛЕМЕ ПРОЧТЕНИЯ ПАМЯТНИКА***

В статье рассматриваются сборники, содержащие Послание о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики; сделан акцент на контексте памятника в сборнике, определяющем прочтение повести.

Ключевые слова: четый сборник, Послание о земном рае, Василий Калика.

В связи с изучением истории текста Послания о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики наше внимание привлекли сборники, которые включили исследуемый памятник. Нам представляется совершенно справедливым положение о том, что жизнь памятника в русской средневековой книжно-письменной традиции, в частности прочтение его книгописцами, может быть достоверно воссоздана лишь с привлечением «контекста его непосредственного бытия» в сборниках [Дергачева-Скоп, 2002. С. 5].

Книжники, жившие в разные эпохи, по-разному прочитывали памятник, руководствовались разными мотивами при включении его в свои сборники. Вместе с тем текстологическое исследование Послания о земном рае показало, что текст памятника очень редко подвергался радикальной правке. Иногда изменения в прочтении Послания его редакторами отражались в осторожной правке [Лончакова, 1992; 2003; 2009].

В других же случаях книгописец не вносил или почти не вносил в текст изменений. В таких случаях информацию о видении им памятника может дать как состав сборника в целом, его концепция, так и контекст памятника в сборнике, т. е. соотношенные с исследуемым памятником по тем или иным признакам тексты. Мы избрали три рукописных сборника, значительно различающихся литературной традицией, к которой они принадлежат, и временем создания¹.

По справедливому мнению некоторых исследователей, Послание о земном рае отразило богословскую ситуацию, возникшую на Руси среди определенной части образованных клириков в связи с византийскими варлаамито-паламитскими спорами середины XIV в. Анализ аргументов, приводимых Василием Каликой для разъяснения верного, с его точки зрения, понимания термина «мысленный рай» и опровержения им понимания этого термина тверским епископом Феодором Добрым, позволяет сде-

* Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011)», проект № 2.1.3/12135: «Древнерусский четый сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)».

¹ Рамки статьи не позволяют сказать, например, о прочтении Послания о земном рае составителями Степенной книги, а также о жизни памятника в летописном тексте. Об этом см.: [Лончакова, 1992] и др.

лать вывод о том, что Феодор Добрый и его Собор познакомились с исихастским наполнением словосочетания².

А. Д. Седельников считал, что и вопрос о «земном рае» возник «среди исихастов, надо полагать, не позже, чем в личном окружении Григория Синаита», доказательством чего является включение «в так называемые Акростихические главы Григория Синаита главы (под номером 10) о земном или Едемском рае» [Седельников, 1938. С. 169].

Анализ контекста Послания о рае в наиболее раннем из известных включивших его сборников позволяет предположить, что еще во второй половине XV в. в монашеской среде сохранялась память о существовании едва ли не еретического (в восприятии книжников XV в.) мнения о гибели земного рая, вызвавшего в середине XIV в. Тверскую «распрю».

Самый ранний список Послания о земном рае из известных ныне находится в так называемом Ефросиновском сборнике из собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 22/1099³. По терминологии А. Г. Боброва, это Троицкий сборник Ефросина [Бобров, 2008. С. 154]. Проанализируем этот сборник с единственной позиции определения причин включения в него Послания о земном рае⁴.

Я. С. Лурье выделил в КБ 22 статьи, которые он отнес к светскому направлению в

² Впервые мысль о связи написания Послания о земном рае с исихастскими спорами в Византии середины XIV в. высказал А. Д. Седельников [1938. С. 165–173]. К такому же выводу пришел Г. М. Прохоров [1968. С. 103]. Это мнение поддержано Н. К. Голейзовским. Н. К. Голейзовский высказал даже предположение о том, что «Послание о земном рае» написано новгородским архиепископом Василием Каликой едва ли не по просьбе митрополита Феоноста (которого Н. К. Голейзовский велел за рядом исследователей считает антипаламитом) [1982. С. 64]. Сомнение в том, что «Послание о земном рае» новгородского архиепископа Василия Калики как-либо связано с исихастско-варлаамитской борьбой в Византии, было высказано крупнейшим исследователем наследия св. Григория Паламы и знатоком эпохи протопресвитером Иоанном Мейендорфом [1974. С. 298]. Однако несколько позднее о. И. Мейендорф стал считать, что появление «Послания о земном рае» архиепископа Василия Калики «показывает атмосферу, созданную на Руси влиянием византийского исихазма» [2000. С. 425] (первое издание данной работы о. Иоанна Мейендорфа (на английском языке): Cambridge Univ. Press, 1981).

³ Далее – КБ 22. Ссылки на листы рукописи даны в тексте статьи.

⁴ Сборник описан: [Каган и др., 1980].

русской литературе этого периода [1961. С. 166]. Р. П. Дмитриевой сборник КБ 22 определен как один из энциклопедических сборников Ефросина [1972. С. 164]. Для нашей темы очень важны наблюдения А. Г. Боброва, который выделил в сборнике статьи, касающиеся родословной самого Ефросина, князя-инока, по предположению ученого, а также переписанные им жития русских князей-инок [2008. С. 154]. Таким образом, сборник КБ 22 оказывается чрезвычайно личным, отражающим внутреннюю жизнь, размышления книгописца, его самоидентификацию.

Обратимся к комплексу собственно монашеских статей сборника. В сборник включены «Поучение старца ко ученику Кирила Белозерска чудотворца» (публикация и исследование: [Прохоров, 2008]), «Предание старческое новонаначальному иноку», предположительно атрибутируемое С. А. Семячко Кириллу Белозерскому [Семячко, 2008. С. 40], и целый цикл выписок из «Старчества», связанных с постижением новоначным иноком монашеского образа жизни [Там же. С. 27–28]. С. А. Семячко указывает, что в других сборниках книгописца Ефросина выписок из «Старчества» гораздо меньше [Там же. С. 28].

На л. 199–200 (КБ 22) вторым почерком переписано Афонское келейное правило, принесенное на Русь архимандритом Досифеем⁵. Значительное место в нем отводилось чтению Иисусовой молитвы, являвшейся частью «практической стороны исихазма» [о. Василий (Гролимунд), 1999. С. 134].

Через весь сборник идут серии выписок из книг репертуара традиционного монашеского чтения, касающиеся собственно «внутреннего делания», «невидимой брани» – непрестанной борьбы с грехом внутри себя, борьбы со страстями, помыслами, рассеянием ума и т. д. Прежде всего, это выписки из Лествицы Иоанна Лествичника, Паренесиса

⁵ Н. К. Никольский датирует Послание Досифея, адресованное в известном ему списке Пахомию, игумену «обители святого Спаса на Прилуце в Вологде», концом XIV или самым началом XV в. [Никольский, 1907. С. 142]. По современным представлениям, Правило принадлежит архимандриту Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря Досифею (вторая половина XIV – первая четверть XV в.), возможно, зафиксировавшему устные правила афонских монахов [Прохоров, 1988. С. 198; Турилов, 2007. С. 54–55].

Ефрема Сирина и Поучений аввы Дорофея, а также Исихия пресвитера, Исаака Сирина, Нила Синайского, Пандектов Никона Черногогорца, Феодора Студита и др.

Как известно, и в Троице-Сергиевом, и в Кирилло-Белозерском монастырях были экземпляры, содержащие «Лествицу» и Поучения аввы Дорофея целиком [Прохоров, 1974. С. 318–319; 1999. С. 47–49]. Судя по количеству выписок и их правильной последовательности, «Лествицу» составитель сборника прочел полностью. Чаще всего выписки эти содержат конкретные упоминания о борьбе с той или иной страстью. На л. 477–496 седьмым почерком переписано «Святого Григория Синаита сказание малое о безмолвии и образех молитвы в главицах 15-тых».

Как считают исследователи исихазма, «Лествица» Иоанна Синайского, Поучения аввы Дорофея и другая келейная монашеская книжность – это руководства к необходимому длительному и всепоглощающему труду покаяния, очищения сердца и помыслов, непрестанной молитвы, предшествующему состоянию «мысленного рая» [Прохоров, 1999. С. 45; Петр (Пиголь), 1999. С. 52]. Очевидное внимание книгописца Ефросина к подобного рода сочинениям позволяет предположить, что он был знаком, хотя бы косвенно, с практикой безмолвничества.

На л. 239–250 (КБ 22) переписаны, видимо, с одной рукописи-протографа, два послания: Василия Калики о земном рае и «от Святыя горы на Русь к благоверному князю Василию Василиевичю по Сидоре ереснике». Оба они имеют на полях помету Ефросина с указанием на листы: Послание о рае – «5 лист», Послание «по Сидоре ереснике» – «6 лист». Послание о рае имеет на поле помету «от летописца взято». Поскольку невозможно, чтобы созданное в 1442–1443 гг. Послание иноков Афонской горы [Ломизе, 1997. С. 75] и включенное в летопись под 1347 г. Послание о рае находилось в непосредственной близости в летописном тексте, можно считать, что помета «от летописца взято», уже имелась в рукописи-протографе; возможно, она отражает известный Ефросину факт генетической связи данного текста с летописью.

Наши текстологические наблюдения показывают, что текст Послания о рае в КБ 22 без каких-либо изменений воспроизводит

текст памятника в варианте Софийской I летописи старшей редакции⁶. Как уже сказано, нет оснований предполагать, что Ефросин выписывает Послание непосредственно из CI ст. ред., но ясно, что сборник-протограф составлен совсем недавно, поскольку списки CI ст. ред. датируются 70-ми – началом 80-х гг. XV в.⁷ Послание о земном рае переписано в непосредственной близости с Посланием афонских иноков по поводу Ферраро-Флорентийской унии. Судя по переписанной ранее (на л. 183 об. – 191 об.) серии антилатинских статей, тема отступничества католиков действительно волновала Ефросина. Можно думать, что и Послание о земном рае также воспринимается книгописцем, равно как и составителями сборника-протографа, именно как полемическое; сомнение в существовании библейского Едема ощущается ими как глубочайшее заблуждение, едва ли не как ересь.

Непосредственно с Посланием о земном рае перекликается текст, переписанный рукою Ефросина на л. 34 – 34 об. и озаглавленный «Епифаниево о 4 реках»⁸. Прочитываем заключительные фразы текста: «Да аще убо несть рая чювьстенаго на земли, то уже ни источника, ни реки, ни 4-хъ верхов, ни смокви, ни древа. Аще ли несть древа, то и ни Евгы, яже яде от него. Аще ли несть Евгы, то ни Адама. Аще ли несть Адама, то ни человек, но кощюна уже истинна. И инако глаголеться по богопагубному Оригену». Раю и его рекам посвящено и еще несколько небольших статей КБ 22.

Таким образом, можно предположить, что вопрос о существовании земного рая действительно был важен для инока Ефросина. Полагаем, что Ефросин в своем сборнике отразил не только свои искания, но, в монашеской его части, отразил характерные особенности сознания окружающих его братьев. Следовательно, память о возникшем в середине XIV в. сомнении в существовании земного рая в это время еще могла сохраняться в монашеской среде. Таким образом, составителем сборника КБ 22 Послание

⁶ Далее – CI ст. ред.

⁷ Софийская I летопись старшего извода // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 6, вып. 1. С. V–VIII.

⁸ М. Д. Каган данный текст не прокомментирован.

о земном рае прочитано наиболее близко к авторскому замыслу.

Несколько по-иному прочитывается Послание о земном рае в сборнике, разделенном на главы и имеющем название: «Книга глаголемая просветитель богословная, еже есть многосложная, от великих святых богословных богословцев и богодухновенных отец избрана и сочинена преизящное богословие». Сборник известен нам в трех списках: РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД), № 288/667⁹, конца XVII в.¹⁰; РГБ. Собрание Ундольского, № 1071¹¹, конца XVII в.¹²; ОР БАН. Арх. Д. 429, начала XVIII в.¹³

Сборник содержит 110 или 113 глав и представляет собой систематизированное описание мира начиная с Божества и Небесных сил, шести дней творения, устройства мира, человека и его устройства (с особым вниманием к душе и ее деятельности) и завершая полемическими антиеретическими сочинениями. В составе сборников имеются незначительные различия¹⁴. Все три сборника имеют в основании один архетип, который, видимо, можно датировать серединой XVI в. – судя по предшествующему Посланию о рае «Написанию чесо ради Великаго Новаграда архиепископы на главах носят белый клобук, а не яко же прочие архиепископы» (Повесть о белом клобуке краткой редакции [Кириллин, 2004. С. 429]), а также последующему «Посланию о злых днех и часех»¹⁵.

Далее мы говорим о составе сборника по рукописи РО МГАМИД 288/667 как наиболее ранней. Начинается сборник компилятивным предисловием, составленным из творений Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого и Григория Богослова (с соответствующими киноарными

пометами), озаглавленным «Слово о непостижимем Божестве»: «Преже всего подобает ведати, како повелено есть нам от божественных писаний о Бозе мудръствовати...». Далее переписан Символ веры св. Афанасия Александрийского с толкованиями.

Исповедав таким образом свое православие, присоединив к этому комплекс небольших богословских статей того же характера, составитель переписывает «Слово о шестих днех о сотворении небу и земли и всей твари иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго и иных святых отец совокуплено». Далее логически следуют выписки астрономического и естественно-исторического характера (о животных, об устройении человека, о природных явлениях).

Однако в единую картину мира для составителя очевидным образом входят и духовные, нравственные категории (они, таким образом, онтологичны), поскольку далее переписана глава «Воспитание, откуда человеку злое случися», а следом «Откуда диаволу ведение злых бывает» и еще ряд фрагментов на эту тему. Судя по количеству статей, вопрос о природе зла и отношении его к Создателю интересует переписчика не менее затмения солнца и луны или природы дождя.

Далее, возвращаясь к моменту Творения («Тваревна ли есть вещь или ни, и почто начат Бог творити мир»), составитель сборника детальным образом рассматривает венец творения – человека, в соотношении его души тела, начиная со статьи «Иже по образу Божию и по подобию кое есть – душа или тело». Переписаны такие статьи как «Како славное душа с неславным плоти созданом бысть и мертвеное з безсмертным», «Грехопадение перво созданных, кто есть повинен – душа или тело...», «Убо Бог ли есть виновен еже быти человеком овому бую и блуднику, а другому неподатливу и сурову, иному же гневливу и яростну, другому же просту и кротку» и т. д. Наконец, значительное количество фрагментов посвящено «будущему веку», воскресению мертвых – это главы 44–56.

Главу 57 (в Арх. Д. 429 – глава 56) составляет «Сказание како прочитати нам божественная писания, яко за еже не радети о сих, от сего вся злая ражается, и жития наша растлешася, и еретически возрасте недуг...». Следующая часть, как можно судить

⁹ Далее – РО МГАМИД 288/667.

¹⁰ Филигрань: герб Амстердама. Наиболее близок знак: Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ. М. 1980, № 139 (1679–1695 гг.). Далее – Дианова, Костюхина, №.

¹¹ Далее – Унд. 1071.

¹² Филигрань: герб «Семь провинций». Наиболее близок знак: Дианова, Костюхина, № 881 (1693–1697 гг.).

¹³ Описание рукописей Библиотеки Академии Наук. 1951. Т. 4, вып. 1. С. 255–258. Далее – Арх. Д. 429.

¹⁴ Подробнее об этих сборниках см. нашу статью: [Лончакова, 2003].

¹⁵ Н. В. Сеницына считает, что архетип рассматриваемого сборника был составлен в конце XVI в. [1998. С. 151, 162].

уже по заглавиям статей, посвящена Творцу: Святой Троице и Сыну Божию («Сказание о шести законах, како предаша Бог от древних лет до Пришествия Христова», «Слово многосложное святых отец о Единородном Сыне Божии и о вочеловечении смотрениии плотскаго пришествия», «Поучение церковное о Святей Троицы святых отец и о вере вопросы многия», «Иоанна Дамаскина о Святей Троицы» и т. д.). Возможно, ее следует считать центром, ядром сборника.

Далее переписаны тексты, посвященные иконным изображениям лиц Троицы и Пресвятой Богородицы, после чего, после нескольких толкований (о Иисусовой молитве, о крестном знаменнии), следует цикл статей, посвященных Богородице. Завершают сборник несколько полемических сочинений о «латинской вере». В эту вполне цельную картину мира встроены и несколько сочинений о рае. Это глава 44 «К любящим яко Христос с разбойником вниде во еже на земли рай», в которой доказывається, что в настоящее время нет необходимости в «чувственном рае», поскольку Господь своим Воскресением открыл путь на небеса.

В главе 45 «Который есть мысленный рай...» говорится о духовном рае: «Древо жизни Святыи Дух есть живяи в вернем человеце...». В главе 93, которую составляет сочинение «Блаженнаго Афанасия, архиепископа Александрийскаго, ко Антиоху князю о многих нужных взысканиих...», находятся доказательства того, что рай находится не на небе и не в Иерусалиме, но, как и говорится в Писании, «яко на востоцех всея земли есть рай». Глава 97 «О разделении чина и устава Божия рая и ко глаголющим, яко рай чюствен мяншеся быти составлен» доказывает, что «Рай чюственне составлен вечно имать наслаждение» – тварный вещественный рай тем не менее является вечным. Таким образом, отношение составителя к данной проблеме, видимо, может быть выражено фразой из текста, составляющего главу 97 (в Унд. 1071 – глава 98) «О рассмотрении скончания вещей мирских»: «От них же ови убо на небеса вознесени будут, ови же в раи поживут, ови же во святыи град Иерусалим вселятся».

Послание о земном рае Василия Калики составляет главу 102. Согласие составителя сборника со всеми тремя представлениями о рае вызвало единственную правку в тексте

памятника. Чтение «Две месте уготова Бог: едино исполнено благых, а другое тмы и огня исполнено. То же, брате, речено Богом видети человеком святаго рая» (ГПНТБ СО РАН. Q.П.33. Л. 338; Архетипная редакция) рассматриваемый сборник дает в следующей редакции: «Два места уготова Бог любящим его: горний Иерусалим и Едемский рай, и многи суть, рече, обители в дому Отца Моего».

Полагаем, что даже по немногим приведенным названиям переписанных статей видно, что в данном случае космология, естествознание, антропология объединены составителем в целостную картину мира. Сборник этот – энциклопедический, но не секулярный. Составителя интересует Божий мир, человек, происхождение зла и, конечно, спасение. В эту картину естественно встраиваются сочинения о рае – земном, небесном, мысленном. Составителя интересует не полемика, но возможно более детальное рассмотрение многосложной картины Божьего мира, в том числе и рая.

Совершенно особую ситуацию представляет, на наш взгляд, поздний старообрядческий сборник из Кемеровского собрания фонда Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). Рукописный сборник, хранящийся ныне под шифром О.ІХ.5, приобретен в ходе археографической экспедиции А. Ю. Бородихиным в одном из поселков Кемеровской области. Сборник происходит из старообрядческой общины филипповского согласия. Отметим, что местные филипповцы и до сих пор сохраняют строгость устава и жизненного уклада, свойственную этому согласию.

Рукопись в восьмую долю листа написана на 137 листах одним почерком. По бумаге рукопись может быть датирована серединой XIX в., но, скорее всего, нужно говорить о более или менее длительном процессе ее создания: первый этап следует датировать 10-ми годами XIX в., второй – по меньшей мере, серединой этого века¹⁶.

¹⁶ Большая часть сборника (л. 1–79 и 102–109) написана на бумаге с филигранью «Pro Patria» с литерами «СУ ГФ», контрамаркой: литерами «ГЕЯБ» [курсив] под короной, обрамленными двумя ветвями, и «белой датой» «1811». В описываемой бумаге имеется еще инициал мастера «И». Данная филигрань представлена в альбомах: *Клепиков С. А.* Филиграни и

Сборник написан одним почерком. Через весь сборник проходит единый сигнатурный счет, выполненный тем же почерком, что и основной текст. Единообразно оформлены инициалы и концовки. Все это указывает на единство рукописи.

Вместе с тем некоторые кодикологические особенности указывают на ее поэтапное, не единовременное создание. Такой способ создания сборника, на наш взгляд, свидетельствует об индивидуальном, личном характере рукописи: сборник составлялся «для себя» и отражает личные интересы и вкусы составителя. Ввиду этого особый интерес представляет состав сборника. Прежде всего очевидна любовь составителя к ярким, эмоциональным сюжетным повествованиям новеллистического типа.

Именно такие сочинения занимают подавляющую часть сборника. Как мы полагаем, это свидетельствует о наличии у составителя вкуса к собственно литературному чтению, к тому, что мы называем «беллетристической».

Однако все повествования касаются тех или иных нравственных проблем в их христианском истолковании – смирения и гордости, милостыни и сребролюбия, чтения книг, нерасеянного слушания проповеди, ночной молитвы, целомудрия, твердости в вере до исповедничества и мученичества, воздержания в языке, благоговейного стояния в церкви, исполнения данных обетов. Ввиду этого за развязкой следует нравоучительная часть, подводящая своеобразный нравственный итог повествования. Эта одна из особенностей, отличающих подобные рассказы, от классической новеллы [Мелетинский, 1990. С. 75]. Е. М. Мелетинский

называет такого рода повествования, применительно к западноевропейской литературе, «предновеллой» или, предпочтительнее, ранней средневековой новеллой [Там же. С. 60], поскольку он рассматривает данный тип повествования как переходный, предвещающий возникновение классической ренессансной новеллы.

Подобные повествования в составе Пролога рассмотрены Л. И. Сазоновой [1978]. Исследовательница делает акцент на краткости и динамичности развития сюжета, отсутствии психологической мотивации поступков и описания деталей. Композиция и другие художественные особенности таких повествований из Великого Зеркала детально рассмотрены О. А. Державиной [1965. С. 58–95]. Жанрово они отнесены исследовательницей к новеллам. Е. К. Ромодановская говорит о процессе превращения повествований («прикладов») «Римских деяний» в новеллу с потерей ими притчевых толкований. По мнению исследовательницы, XVIII век – век возникновения нового типа сборника – беллетристического, объединявшего «различные малые жанры прозы» [Ромодановская, 2009. С. 151].

Однако и коллизия, лежащая в основе фабулы повествований, составляющих большинство в данном сборнике, и сама фабула также резко отличаются от таковых в классической новелле. Как правило, это столкновение интересов грешника и праведника, столкновение святости и сил зла. Еще один способ построения фабулы христианского новеллистического повествования может быть обозначен как обретение праведника. Здесь нет конфликта как такового, повествование построено на контрасте внешней убогости, бедности героя и его несомненной праведности (Житие Алексия человека Божия, проложное Слово о сапожнике). Особый тип фабулы – видение загробных мук так или иначе согрешившим человеком. Вариант данного типа фабулы – видение праведным Царства Божия, как, например, в известном повествовании, озаглавленном «О славе небесней и о радости вечней праведных».

Представляется, что такие повествования, независимо от включающих их сочинений объединяющего жанра, необходимо рассматривать как самостоятельный жанр, хотя и связанный форматно с новеллой, скорее «христианским новеллистическим повест-

штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – начала XX в. М., 1959, № 169 (1812 г.); Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978, № 192 (1811, 1813 г.), далее – Клепиков, 1978, №; *Uchastkina Z. V. History of Russian paper mills and their Watermarks. Holland: The Paper Publications Society, 1962, № 748 (1813 г.).* Таким образом, эта часть сборника датируется десятилетиями XIX в. Л. 80 – 100 об. и 110–125 написаны на бумаге с литерами «РОФ» / «РВ» и «белой датой» «1810»: Клепиков, 1978, № 646 (1805, 1806 г.); Участкина, № 517 (1801 г.). Эта часть сборника может быть датирована по филиграммам первым десятилетием XIX в. Л. 126–137 написаны на достаточно грубой бумаге без штемпелей и филигранных. Такая бумага датируется, как правило, временем не ранее середины XIX в.

вованием» или даже «христианской новеллой».

Художественным и содержательным центром сборника как единого целого можно считать Житие Кирика и Улиты. В основе движения фабулы здесь лежит коллизия между претерпеваемыми мучениями и стойкостью в вере. Драматизм ее усиливается младенческим возрастом Кирика. В череде мучений, которым подвергают истязатели мать и младенца, – котел с кипящим воском. Кирик успокаивает свою мать и убеждает ее в необходимости вытерпеть и это. После, видя безуспешность своих попыток, молится ко Христу: «Владыко, не остави рабу свою погибнуть, но сотвори, Господи, да не посрамимся, и да не хвалятся врази Твои, глаголюще, яко одолехом от Святаго Духа, и вси верующие во Христа смятутся». Там, где житейский разум видит неминуемую гибель, разум маленького христианина видит спасение. Избегание же мук и смерти грозит вечной гибелью.

И вот близится конец: мучители решают отсечь Кирику и Улите головы. По молитве Кирика является сам Спаситель с ангелами. Единственная награда, которую просит у Господа маленький мученик за свою верность, – возможность помогать людям после своей мученической кончины. В завершение мучений матери и сына «взя Господь пречестныя их души месяца июля в 15 день, и приидоша беззаконии мучители обрести святых и не обретоша, взявше бо телеса их святии ангели». Это счастливая концовка. «Святый же Кирик предстоит у престола Христа Бога со святыми ангелы и глаголет: свят, свят, свят Господь Саваоф». Счастливая концовка находится за пределами житейского мира, мира обычных ценностей.

Таким образом, художественное пространство большинства сочинений сборника близко пространству евангельских притч. Оно четырехмерно, и четвертое измерение, не известное ни фавлю, ни шванкам, ни классической новелле, является в ней определяющим.

Трудно сомневаться, что составитель сборника, отбирая повествования для переписки, должен был руководствоваться не только эстетическими критериями, но и своими глубинными духовными устремлениями. С. С. Аверинцев пишет о повествованиях такого рода: «В идеале это не просто чувствительность или растроганность, но

мука сосредоточенного духовного пробуждения, когда душа словно вырывается из силков «мира», обдирая на себе кожу. Так оно и было – для немногих или, может быть, для многих в немногие моменты их жизни» [Аверинцев, 2005. С. 129].

Можно предположить, что сердцу составителя сборника оказались близки сами приводимые Василием Каликой доказательства существования земного рая, и прежде всего Легенда о Моиславе с товарищами, нашедшими земной рай в реальном мире. Своим доказательным пафосом Послание о земном рае поддерживало порыв книжника-старообрядца из мира житейского, лежащего во зле и страдании, в мир иных ценностей, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание».

Хорошо известно, что в старообрядческой среде родилась близкая по мироощущению легенда о Беловодье (см.: [Мальцев, 2002; Чистов, 2003. С. 294–306] и др.). Известно, что если вначале легендарную страну, где «воровства, обману и грабежу, убийства и лжи, и клеветы в христианах нет же, но во всех едино сердце и едина любовь» [Чистов, 2003. С. 306], искали на Алтае, то впоследствии речь шла о стране, находящейся на множестве островов в океане [Мальцев, 2002. С. 535].

Таким образом, четьи сборники, отражая замысел их составителей, их интересы, волнующие их проблемы, могут пролить свет на прочтение книжниками конкретного памятника, мотивы включения его в сборник.

Список литературы

Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. // Аверинцев С. С. Другой Рим: Избр. ст. СПб.: Амфора, 2005.

Бобров А. Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священноинока Ефросина Белозерского (опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 94–172.

о. Василий (Гролимунд). Между отшельничеством и общежитием: Скитский устав и келейные правила. Их возникновение, развитие и распространение до XVI века // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 122–135.

Голейзовский Н. К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // Русско-Балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982.

Дергачева-Скоп Е. И. Сибирские летописи в исторической прозе XVII века: текст – контекст // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002. Т. 1, вып. 1. С. 3–12.

Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965.

Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV в. как жанр // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 150–180.

о. Иоанн Мейендорф. Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // Протопресвитер Иоанн Мейендорф. История церкви и восточно-христианская мистика. М.: Ин-т ДИ–ДИК. Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000.

о. Иоанн Мейендорф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29.

Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 7–105.

Кириллин В. М. «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 393–437.

ЛомIZE Е. М. Письменные источники сведений о Флорентийской унии на Московской Руси в середине XV в. // Россия и Христианский Восток. М.: Индрик, 1997. Вып. 1. С. 69–85.

Лончакова Г. А. Сборник Q.II.33 из Томского собрания и Архетипная редакция Послания о земном рае новгородского архиепископа Василия Калики // Библиосфера. 2009. № 1. С. 89–93.

Лончакова Г. А. Об одном прочтении «Послания о земном рае» новгородского архиепископа Василия Калики в XVII веке // Книга и литература в культурном контексте: Сб. науч. ст., посв. 35-летию начала археографической работы в Сибири. 1965–2000. Новосибирск, 2003. С. 203–212.

Лончакова Г. А. «Послание о земном рае» в прочтении древнерусских книжников XIV–XVI вв. // Русская книга в дореволю-

ционной Сибири. Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск, 1992. С. 112–133.

Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168.

Мальцев А. И. Беловодье // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 534–535.

Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990.

Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1907.

Петр (Пиголь), игумен. Преподобный Григорий Синаит и его духовные преемники. М., 1999.

Прохоров Г. М. Поучение ко ученику «Кирилла Белозерска чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 3–24.

Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII в. // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 44–58.

Прохоров Г. М. Досифей // СККДР. М.: Наука, 1988. Ч. 2, вып. 1.

Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317–324.

Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23.

Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009.

Сазонова Л. И. Проложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века Пролог. М.: Наука, 1978. С. 26–53.

Седельников А. Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // *Bisantinoslavika*. Praha, 1938. Т. 7. С. 164–173.

Семячко С. А. История текста «Предания старческого новоначальному иноку» и ранняя история сборника «Старчество» // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Бело-

зерский монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 25–71.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998.

Турилов А. А. Досифей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16.

Чистов К. А. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Материал поступил в редколлегию 18.11.2010

G. A. Lonchakova

**THE MISCELLANIES CONTAINING THE MESSAGE ON THE EARTH PARADISE
BY THE NOVGOROD ARCHBISHOP VASILY KALIKA: THE PROBLEM OF TEXT INTERPRETATION**

The article analyzes the miscellanies containing the Message on the Earth Paradise by the Novgorod archbishop Vasily Kalika; the emphasis is made on the context of the miscellany that defines text interpretation.

Keywords: miscellany for reading, the Message on the Earth Paradise, Vasily Kalika.